

Александр Эрот

*Последний читающий мужчина в
фемдом мире*

18+

Александр Эрот

Последний читающий мужчина в фемдом мире

<https://litres.ru/74029566>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где мужская плоть стала валютой, а мужчины — безвольным скотом в стерильных клетках, у Кристиана есть оружие, способное разрушить целую империю. Он умеет читать.

В его рюкзаке спят запретные боги: де Сад, Бодлер, Данте. Для диких охотниц из племени «Серебряных Пчел» его бархатный голос звучит слаще первобытного инстинкта. Для ледяной Матриарха Венеры его прикосновения становятся опасным вирусом, разрушающим многолетний порядок «Железных Матерей».

Он — пленник, ставший жрецом их желаний. Зажатый между раскаленной, дикой страстью воительницы Оры и холодным, подавленным вожделением правительницы, Кристиан должен совершить невозможное: объединить две враждующие стихии в единый, пылающий триумвират.

Их цель — легендарная «Александрия».

Изысканная постапокалиптическая эротика, где слово становится лаской, интеллект — афродизиаком, а каждое

прикосновение ломает системы. Рискните прикоснуться к запретному.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Глава 3.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Эрот

Последний читающий мужчина в фемдом мире

Глава 1.

В мире, где мужская кожа ценится дороже унции чистейшей платины, я совершил самое непростительное преступление — я остался свободным. И, что еще хуже, я умею читать.

Рюкзак из потертой кожи ласкал мою обнаженную спину, тяжелый и горячий от полуденного солнца. Внутри него покоились не патроны и не сушеное мясо. Там спали боги. Шекспир, Сад, древние атласы анатомии и звездного неба. Шелест их пожелтевших страниц для местных дикарок звучал сладострастнее, чем стоны любви, а за одну главу из потрепанного томика французской прозы предводительницы племен готовы были отдать мне своих лучших девственников. Или содрать с меня кожу, чтобы сделать из нее переплет.

Я прижался спиной к теплomu стволу секвойи, переводя дыхание. Воздух джунглей, поглотивших некогда великие города, был густым, как сироп, и пах диким жасмином и мускусом. Моим мускусом. Я знал, что они близко. Они всегда

были близко.

Племя Серебряных Пчел шло по моему следу третьи сутки. Я слышал их мягкие шаги, шорох папоротника и этот ни с чем не сравнимый, сводящий с ума запах — смесь девичьего пота, оружейной смазки и первобытного голода. Для них я не был человеком. Я был мифом, ожившим деликатесом, священным самцом, способным подарить им потомство, и — самое опасное — колдуном, который умеет извлекать голоса из мертвой бумаги.

— Выходи, Книжник... — Влажный, вибрирующий шепот прошел по зарослям, словно прикосновение шелка к натянутой коже. — Мы не сделаем тебе больно. Мы лишь хотим послушать твои сказки. И испить твой нектар.

Я нащупал в кармане тяжелый, пахнувший кожей и пылью корешок «Опасных связей» Шодерло де Лакло. Мое оружие.

В кустах мелькнуло бедро — гладкое, цвета темного золота, украшенное шрамами в виде ритуальных укусов. Их было семеро. Охотницы, не знавшие мужчин, кроме тех, что сидели в клетках на их невольничьих рынках. Но я не собирался становиться их племенным жеребцом.

Я медленно достал книгу, открыл её на случайной странице и заговорил. Мой голос, низкий и бархатный, разрезал влажную тишину леса, как скальпель.

— «Женщина, которая соглашается на ласки, теряет право быть строгой...» — прочитал я вслух, глядя прямо в заросли, где замерли испуганные и заинтригованные хищни-

цы.

Шорох прекратился. Они затаили дыхание. Магия печатного слова, древняя и эротичная, начала свою работу. Охота началась.

Голос мой угас, но его эхо продолжало вибрировать под сводами влажного тропического леса. На мгновение показалось, что даже неутомимый хор цикад почтительно смолк, уступая место чужому, давно забытому языку изящества и порока.

Я чувствовал, как в зарослях забились быстрее семь девичьих сердец. Для этих созданий, рожденных в жестоком мире неоновом заката и ржавого железа, французский слог XVIII века был подобен первому глотку выдержанного вина. Они не понимали точного значения слов, но они улавливали их музыку — силлабический ритм, ласкающие гортанные звуки, скользящие интонации, пробуждавшие в их телах нечто более древнее, чем инстинкт выживания.

Из тени гигантского папоротника бесшумно, словно пантера, соткалась фигура. Это была их предводительница. На ней не было почти ничего, кроме перекрещенных на груди кожаных ремней португалии и набедренной повязки из грубой замши. Ее кожа, цвета спелого каштана, лоснилась от кокосового масла и пота. На плече покачивалась тяжелая штурмовая винтовка, но пальцы ее рук — длинные, с хищно заостренными ногтями — не тянулись к оружию. Они подрагивали от странного, пугающего ее саму нетерпения.

— Еще... — выдохнула она. Ее звали Ора. Я знал ее имя по слухам, что ходили между кочевниками руин. Она была безжалостна, она вела своих «пчел» на самые опасные промыслы, но сейчас ее карие глаза, подведенные угольной пылью, расширились от священного трепета. — Читай еще, Книжник. Твой рот рождает звуки, от которых сладко ноет внизу живота. Что это за яд?

— Это не яд, Ора, — мягко ответил я, позволяя себе легкую, почти непочтительную улыбку. — Это мысль. Мысль человека, который знал, что любовь — это не просто спаривание ради продления племени. Это изысканная игра, где каждый взгляд и каждое прикосновение взвешиваются на весах наслаждения.

Я сделал медленный шаг назад, чувствуя спиной прохладную кору дерева, но не выпуская ее из поля зрения. Остальные шесть охотниц уже показались из листвы. Они окружили меня полукольцом, как дикие кошки, замороженные игрой солнечного зайчика. Оружие в их руках опустилось стволами вниз. Их юные, подтянутые тела, закаленные бесконечным бегом по руинам старого мира, транслировали дикое, первобытное вожеление. Но это не было обычным голодом плоти, который они могли удовлетворить с любым несчастным пленником на невольничьем рынке в Новом Вавилоне. Это был голод ума, тоска по прекрасному, которую они не могли ни осознать, ни назвать.

— Отдай мне эту вещь, — Ора шагнула вперед, протяги-

вая руку к книге. Ее грудь тяжело вздымалась, соски затвердели от возбуждения и лесного сквозняка. — Я заберу ее. Мое племя будет владеть этим колдовством.

— Забирай, — я протянул ей томик Лакло, но, когда ее пальцы коснулись потертой обложки, я не отпустил книгу. — Но что ты будешь делать с ней, Ора? Бумага не заговорит сама. Без меня эти знаки — лишь засохшие следы мертвых насекомых на белом поле. Ты можешь сжечь ее, чтобы согреться ночью. Ты можешь свернуть из нее патроны. Но ты никогда не узнаешь, как мужчина может заставить женщину плакать от восторга, не коснувшись ее пальцем.

Она замерла. Расстояние между нами сократилось до полусага. Я чувствовал тепло, исходящее от ее кожи, пахнувшей горькими травами и мускусом. В ее глазах боролись две женщины: дикая воительница, привыкшая брать все силой, и Ева, впервые вкусившая плод с дерева познания.

— Ты лжешь, — прошептала она, но в ее голосе не было уверенности. — Мои рабы кричат от удовольствия, когда я позволяю им войти в меня.

— Твои рабы — дрессированные животные, Ора, — ответил я, понизив голос до интимного шепота, предназначенного только для нее. Я осторожно коснулся пальцами ее запястья, там, где под тонкой кожей неистово бился пульс. Она вздрогнула, но не отстранилась. — Они ласкают тебя из страха перед плетью. А книга... книга учит ласкать из страха потерять мгновение близости. Хочешь, я покажу тебе разницу?

Охотницы за моей спиной тихо зашептались, их дыхание стало частым. Я понимал, что иду по лезвию бритвы. Стоит мне сделать одно неверное движение, проявить слабость или страх — и их инстинкт доминирования победит. Они повалят меня на землю, свяжут шелковыми веревками и утащат в свои шатры, где я быстро превращусь в изнуренного, лишённого воли раба. Мой разум — вот мой единственный щит. Моя эрудиция — единственный афродизиак, удерживающий их от насилия.

Я медленно опустился на колени, увлекая ее за собой. Она повиновалась, словно под гипнозом. Ее колени коснулись влажного мха. Я аккуратно раскрыл книгу на странице с описанием тайного свидания виконта де Вальмона и маркизы де Мертей.

— Закрой глаза, — приказал я не терпящим возражений тоном господина, знающего секреты ее тела лучше, чем она сама.

Она колебалась секунду, ее ресницы дрогнули, но затем веки опустились. Ее лицо, обычно суровое и воинственное, разгладилось, приобретая черты утонченной античной нимфы.

Я перевернул страницу, нашел нужный абзац и начал читать, одновременно ведя кончиком пальца по ее обнаженному плечу, повторяя ритм фразы.

— «Шаг за шагом, я уступал ее притворному гневу, зная, что за ним скрывается лишь желание быть побежденной...»

— читал я. Мой палец скользнул по ключице Оры, едва касаясь кожи, оставляя за собой шлейф мурашек. — «Ее дыхание становилось прерывистым, а пальцы, судорожно сжимавшие шелк моих одежд, выдавали истинную бурю, бушевавшую в ее груди...»

Я почувствовал, как Ора выгнула спину, навстречу моему прикосновению. Ее губы полуоткрылись, обнажая ровные белые зубы. Остальные девушки подошли ближе, они сидели вокруг нас прямо на землю, завороченно наблюдая за этим ритуалом. Для них это было актом чистейшего, невиданного ранее искусства. Не грубое соитие ради продолжения рода, а ментальный секс, где слово становилось плотью.

— Это... невероятно, — прошептала одна из девушек, сидевшая справа. У нее были короткие платиновые волосы и шрам через всю щеку, но сейчас ее глаза блестели от слез. — Книжник... прочитай про ее грудь. Что он делает с ее грудью?

Я улыбнулся, не прерывая ласки. Я владел ими. Без единого выстрела, без единой капли крови. Семь смертоносных убийц лежали у моих ног, побежденные призраками французского романа двухсотлетней давности.

— Мы заключим сделку, Ора, — тихо сказал я, прекращая чтение и закрывая книгу с мягким стуком.

Она резко открыла глаза, в которых сквозило разочарование пополам с яростью пробуждения от прекрасного сна.

— Какую сделку? — ее голос сорвался на хрип. — Я могу просто забрать тебя.

— Мое тело — да. Но не мой голос. Если ты закуешь меня в кандалы, я замолчу навсегда. Я умру от тоски по свободе, и эти страницы снова станут просто бумагой. Но если вы станете моей защитой в этих лесах... Если вы будете оберегать меня от других племен... Каждый вечер, у костра, я буду открывать для вас новые миры. Я научу вас любить так, как любили боги прошлого. Мы начнем с Лакло, пройдем через неистовство маркиза де Сада и закончим нежностью поэтов Серебряного века.

Она смотрела на меня долго, тяжело дыша. На ее щеке медленно стекала капля пота, теряясь в ложбинке между грудей. Она понимала, что я предлагаю ей нечто гораздо более ценное, чем просто самца для удовольствий. Я предлагал ей и ее племени душу.

Она медленно поднялась, протянула мне руку и помогла встать. Ее ладонь была горячей и сухой.

— Хорошо, Книжник, — сказала она, и в ее глазах вспыхнул опасный, обещающий огонь. — Мы будем твоим оружием. Но помни: если твои сказки наскучат мне хотя бы на одну ночь... я лично сделаю из твоей кожи переплет для твоей любимой книги. А сейчас — читай дальше. Мы не сдвинемся с места, пока ты не расскажешь, уступила ли маркиза.

Глава 2.

Ночь в неоновых джунглях не приносит прохлады; она лишь сгущает влагу, превращая воздух в теплое, пахнущее испарениями болото, где каждый вдох кажется глотком жидкого мускуса. Здесь, под пологом гигантских папоротников, заслоняющих мертвые звезды, лагерь Серебряных Пчел кажется языческим храмом, выстроенным на обломках погибшей эпохи.

Я сидел на поваленном стволе секвойи, чувствуя спиной привычную, успокаивающую тяжесть моего кожаного рюкзака. Внутри него, завернутые в промасленный шелк, спали мои единственные союзники — великие мертвецы, чьи мысли когда-то правили миром. Сегодня я выбрал Шарля Бодлера. Его «Цветы зла» пахли старой бумагой, плесенью и тончайшим, едва уловимым ароматом тлена — идеальный парфюм для конца света.

Вокруг костра, чей оранжевый свет выхватывал из темноты изгибы девичьих тел, царила тишина, прерывистая и напряженная, как перед грозой. Семь охотниц племени сидели полукругом. Их тела, гладкие и сильные, лоснились от кокосового масла, смешанного с соком диких орхидей. На них не было почти ничего, кроме шелковых портупей — трофеев, добытых на военных складах ушедших времен. Эти ремни, туго перетягивавшие их груди и бедра, служили не столь-

ко одеждой, сколько носителями для кинжалов и патронов. Контраст между нежным шелком, грубой кожей и холодным металлом оружия рождал во мне странное, изысканно-порочное волнение.

Я был их пленником. И я был их божеством.

Они оберегали меня от других племен с яростью диких кошек, защищая свою самую ценную добычу — мужчину, который умеет извлекать музыку из мертвых листов. Но я знал, что эта золотая клетка из шелка, влажной кожи и обожания в любой момент может захлопнуться со смертельным щелчком. Стоит мне потерять свою загадочность, стоит мне стать обычным, предсказуемым самцом — и я превращусь в раба, чье тело будет безжалостно использовано для продолжения рода, а разум выброшен за ненадобностью.

— Начинай, Книжник, — Ора сделала шаг вперед из полумрака.

Ее португеза из серебристого шелка туго стягивала ее высокую грудь, заставляя соски выделяться под тонкой тканью, словно темные бусины. Ее каштановые волосы, влажные от ночного тумана, тяжелой волной падали на плечи. В руках она держала длинный обоюдоострый нож, но ее взгляд, прикованный к потрепанной книге в моих руках, был беззащитным и жаждущим.

Я медленно открыл книгу. Бумага тихо зашелестела, и этот звук заставил девушек податься вперед. Их дыхание участилось.

— «...Есть запахи, свежие, как плоть ребенка, нежные, как звуки флейты, зеленые, как луга...» — читал я, позволяя своему голосу звучать низко, бархатисто, проникая под кожу каждой из них. — «...И другие — развратные, богатые и торжествующие, обладающие бесконечным расширением, как амбра, мускус, бензоин и ладан, которые поют об экстазах разума и чувств».

Я остановился. Ора стояла так близко, что я чувствовал жар, исходящий от ее тела. Ее ноздри трепетали.

— Что такое «ладан», Книжник? — прошептала она, опускаясь на колени прямо предо мной. Ее бедра, гладкие и упругие, коснулись моих ног.

— Это запах молитвы, Ора, — ответил я, протягивая руку и медленно, едва касаясь, проводя кончиками пальцев по ее шее, туда, где бился частый, испуганный пульс. — Это аромат, который заставлял людей падать на колени перед невидимым. Так же, как ты сейчас опускаешься передо мной.

Она вздрогнула от этого прикосновения, но не отстранилась. В ее карих глазах вспыхнуло опасное пламя — смесь первобытной ярости и сладкого подчинения. Она привыкла брать все силой, но то, что я предлагал ей, нельзя было взять штурмом. Этому можно было только сдаться.

— Научи меня... этой молитве, — ее голос упал до шепота, вибрирующего от вожделения.

Я отложил Бодлера на сухой мох, но не разорвал зрительного контакта. Мои руки легли на ее плечи. Кожа Оры была

горячей, влажной от тропического воздуха и маслянистой. Я медленно скользнул ладонями вниз, нащупывая шелковые ремни ее портупей. Мои пальцы запутались в узлах, медленно развязывая их, высвобождая тело, созданное для войны, но жаждущее любви.

— Любовь в моем мире, Ора, была искусством, — тихо говорил я, ведя пальцами по освобожденной коже ее живота, заставляя ее мышцы судорожно сокращаться от непривычной, медленной нежности. — Это не просто утоление голода. Это архитектура наслаждения, где каждый шаг — как новая строчка в стихе.

Остальные девушки замерли в тени костра. Я слышал их прерывистое дыхание, видел, как некоторые из них прижимали ладони к своим бедрам, замороженные этим зрелищем. Для них это было инициацией, священным театром, где они учились чувствовать.

Ора тихо застонала, когда мои губы коснулись ее ключицы. Мой поцелуй был легким, как дуновение ветра, но он заставил ее вытянуться всем телом. Ее руки, способные ломать кости врагам, теперь бессильно лежали на моих плечах, пальцы судорожно сжимали ткань моей старой куртки.

Я уложил ее на покрывало из мягких шкур. Костер бросал длинные, дрожащие тени на ее обнаженную грудь. Я не спешил. В этом мире, где все двигалось слишком быстро — пули, смерть, голод — медлительность была величайшей роскошью. Я ласкал ее тело так, словно перелистывал страницы

редчайшего манускрипта, задерживаясь на каждом изгибе, как на особо красивой метафоре.

Мои губы спускались все ниже, дегустируя ее кожу, пахнущую диким медом и соленой влагой. Ора выгибала спину, ее бедра непроизвольно двигались навстречу моим рукам, но я мягко удерживал ее, приучая к терпению, к этой изысканной пытке ожиданием, которая только умножает финальный восторг.

— Кристиан... — впервые она назвала меня по имени, а не «Книжником». В этом имени, слетевшем с ее губ вместе с горячим выдохом, было признание моего триумфа.

Когда я наконец вошел в нее, это не было грубым соитием дикарей. Это было слиянием разума и плоти, где каждое движение было продиктовано ритмом стиха. Ора двигалась со мной в унисон, ее дикая грация подчинилась моему медленному, гипнотическому темпу. Ее глаза были открыты, в них отражалось пламя костра и звездное небо, которое мы разделяли на двоих. Она плакала — без боли, без страха, просто от избытка чувств, которые ее тело впервые смогло вместить и выразить.

Ее оргазм был подобен внезапной буре: она вскрикнула, прижав меня к себе с такой силой, что я слышал хруст собственных ребер, и замерла, содрогаясь в сладких судорогах. Я последовал за ней, отдавая ей свое тепло, свой разум и свою силу под тихий шелест листьев, который казался шепотом ушедших веков.

Позже, когда пламя костра начало угасать, превращаясь в тлеющие угли, Ора лежала, положив голову мне на грудь. Ее пальцы лениво перебирали страницы закрытых «Цветов зла». Вокруг нас, во мраке угасающего лагеря зашевелились остальные девушки, словно безмолвные жрицы забытого культа.

Они не спали. Их полуобнаженные тела, освобожденные от тяжелого оружия, ловили последние розоватые отблески углей. В их глазах не было ревности — в этом новом мире, лишенном мужчин, ревность умерла вместе с институтом брака. Они испытывали нечто иное — священное сопричастие к таинству. Для них Ора была их продолжением, их аватарой, через тело которой они только что прикоснулись к запретному, божественному нектару цивилизации.

Одна из охотниц, совсем юная Лара, чья гладкая кожа цвета незрелого персика еще не была испещрена шрамами сражений, бесшумно подошла к нашему ложу. Она опустилась на колени у самого края шкур, и робко наблюдала, словно пытаясь уловить отголоски тех судорог, которые только что сотрясали ее предводительницу. Затем Лара перевела взгляд на меня. В ее широко раскрытых темных глазах плескалась влажная, невыносимая мольба — жажда чуда, которое я только что сотворил.

Я не отстранился. В эстетике, которой я себя окружил, не было места ханжеству старого мира. Я протянул руку и медленно, едва касаясь, провел тыльной стороной ладони по ее

щеке, спускаясь к нежной шее.

Она застыла, словно изваяние, выточенное из слоновой кости. Ее дыхание сорвалось в тихий, вибрирующий стон, который разрезал ночную тишину, подобно струне, натянутой до предела. Я не отводил взгляда. Мои пальцы, покрытые чернильными пятнами и пылью старых страниц, продолжали скользить по ее коже, оставляя на ней невидимые следы слов, которые еще предстояло произнести.

В этом мире, где плоть давно стала валютой, а желания — оружием, я открыл новую монету: внимание. Измеренное, взвешенное, почти научное, но пропитанное той самой нежностью, которую старое поколение называло любовью. Женщины племени Серебряных Пчел не просто смотрели на меня. Они изучали. Они жаждали не одного телесного слияния — в этом им не отказывали ни их инстинкты, ни суровые законы джунглей. Они жаждут ритма. Ритма фразы, которая предшествует касанию. Ритма паузы, которая заставляет кровь приливать к щекам. Ритма слов, которые превращают соитие в обряд, а тело — в храм.

Я медленно отстранился от Оры, не разрывая тактильной нити, что связывала наши ладони. Костер давно погас, оставив лишь тлеющие угли, отбрасывающие длинные, призрачные тени на стволы деревьев. Воздух стал тяжелым, насыщенным ароматами пота, орхидей, старой кожи и чего-то неуловимо сладкого — запаха пробуждающейся женственности, еще вчера спавшей под слоем ржавого металла и ору-

жейной смазки.

— Читай еще, — попросила Ора, ее голос был хриплым, но в нем не было повелительного оттенка. Только голод. Голод, к которому невозможно прикоснуться без его дозволения.

Я достал из рюкзака другую книгу. На этот раз не Бодлер, а «Любовные письма» Стендаля. Бумага зашелестела, и звук этот разнесся по лагерю, как сигнал к сбору. Девушки, покачиваясь, пододвинулись ближе. Их тела, обнаженные до талии или закутанные лишь в тончайшие сетки из переплетенных лиан, слились в единую скульптурную группу. Я видел, как дрожат их пальцы, как расширяются зрачки, как плечи напрягаются в ожидании не удара, а слова.

Я начал читать вслух, медленно, выверяя каждый слог. Голос мой, отзвучавший от ласк и ночной влаги, звучал приглушенно, но четко проникал в сознание каждой. Стендаль писал о том, как женщина превращается в идол в глазах влюбленного, как разум отказывается считать, уступая место чуду. С каждой строчкой я видел, как меняется их дыхание. Как плечи опускаются. Как хищная осанка воительниц сменяется хрупкой, почти детской открытостью. Это было не подчинение. Это было доверие. А доверие в пустошах — роскошь, опаснее любого яда.

Когда закончил, я не торопился закрыть книгу. Я позволил тишине заполниться остаточным эхом слов. Потом медленно, с той же тщательностью, с какой архивариус убирает

рукописи в сейф, я возвратил том в рюкзак. Застежка щелкнула, отрезая волшебство от реальности. И в этот щелчок я услышал свой приговор.

Потому что я знал, что происходит утром.

Как только первые лучи солнца пронизывают листву, пробуждая цикад и пахучие испарения земли, шелк портупей снова натягивается до боли. Кинжалы возвращаются в ножны. Патроны снаряжаются. Ора снова становится воительницей, чей взгляд режет воздух, а тело — оружием, отточенным до зеркального блеска. А я снова становлюсь их сокровищем. Их уязвимостью. Их пленником, которого они несут на руках через реки и болота, охраняют от хищников и чужих племен, как священный сосуд, который нельзя поцарапать.

Золотая клетка.

Она не имеет прутьев. Она сплетена из шелковых ремней, из благодарных взглядов, из сладкого подчинения, из ночного шелеста страниц, из их рук, бережно поддерживающих мои плечи на крутых спусках. Я свободен от страха смерти. Но я в плену у их надежд. У их жажды того, что я даю. И я чувствую, как эта клетка сжимается. Медленно. Бесшумно. Как удав, обнимающий добычу, не чтобы убить, а чтобы почувствовать тепло.

На рассвете Лара подбежала ко мне, протягивая чашку из выдолбленного дерева, полную горького корня и меда. Ее глаза блестели, но теперь в них не было той безумной жад-

ности ночи. Было что-то другое. Понимание. Или его тень.

— Сегодня мы идем к реке Лемур, — сказала она, и в ее голосе уже звучала не покорность, а отчетливость воина. — Там были следы Железных.

Ора кивнула, поправляя портупею. Ее кожа еще носила следы моих губ, но лицо было каменным.

— Охрана удвоена, — бросила она мне. — Не отходи от костра, Книжник. Слова твои могут сгореть раньше, чем ты успеешь их произнести.

Я кивнул в ответ, чувствуя тяжесть рюкзака на плечах. В нем лежали не просто книги. В нем лежал мир, который они еще не видели. И мир, который они еще не готовы были принять. Пока.

Пока я умею читать. Пока они умеют слушать. Пока золото клетки не превратится в свинец.

Я посмотрел на небо, где сквозь листву пробивался холодный дневной свет. Ветер пошевелил страницу, случайно выскользнувшую из рюкзака. На ней было написано: «Счастье возможно, когда мы забываем считать».

Я быстро прикрыл ее рукой, спрятал вглубь. Считать не нужно. Нужно выжить. Нужно держать баланс. Нужно ждать.

Потому что в джунглях, где мужчины стали товаром, а книги — валютой, самый опасный грех — это перестать быть загадкой.

Глава 3.

Влажный полумрак у реки Лемур дышал испарениями гниющих мангровых зарослей и призрачным, сладковатым ароматом гигантских орхидей, чьи лепестки напоминали влажные человеческие губы. Здесь, у кромки заиленной воды, где когда-то высились бетонные опоры древнего моста, джунгли казались особенно хищными. Они не просто росли — они пожирали останки цивилизации с медленным, сладострастным аппетитом.

Мы наткнулись на нее в полдень.

Она висела в сетях-ловушках, которые Серебряные Пчелы расставили вдоль границы своих владений. Это была лазутчица из племени Железных Матерей — существ, о которых в лагере Пчел говорили только шепотом, со смесью ужаса и брезгливости. Если Пчелы оставались детьми природы, сохранившими первобытную грацию и теплоту плоти, то Железные Матери были порождением холодного, безжалостного рацио. Они кастрировали саму идею страсти, превратив деторождение в конвейерный процесс, а мужчин — в безвольный скот, содержащийся в стерильных вольерах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.